

Ефимова Людмила Степановна, Афанасьев Ньургун Вячеславович

ДУХ-ХОЗЯИН ОГНЯ У ЯКУТОВ: СИМВОЛИКА, СЕМАНТИКА

В статье рассмотрены слова-символы Духа-хозяина огня по материалам героического эпоса - олонхо, обрядовой и шаманской поэзии якутов. Проанализирована семантика этих слов-символов. Авторы считают, что через символику и семантику можно вывести архаичность происхождения культа Духа огня. Они предполагают, что слова-символы имеют единое, общее происхождение с лексикой фольклора тюрко-монгольских народов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 17-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Итак, в ходе исследования нами была выделена новая семантическая категория художественных образов – алгообразы – и описана важная функция, выполняемая ими в художественном тексте. На основе изучения алгообразов был предложен новый литературный метод, достаточно формализуемый, чтобы удовлетворять критериям объективности и воспроизводимости. Алгокритический метод был апробирован на некоторых текстах О. де Бальзака и И. С. Тургенева. Но заинтересует ли новый метод критиков и литературоведов? Сейчас преждевременно об этом говорить. Гораздо важнее, по нашему мнению, побудить интерес к формальным критическим методам как таковым, поскольку это единственный способ противостоять царящей в современной литературной критике «вкусовщине». Не столь важно, что за метод использует критик, как то, что он использует хоть какой-то метод.

Список литературы

1. **Бальзак О. де.** Герцогиня де Ланже / пер. с фр. М. В. Вахтеровой // Бальзак О. де. Собрание сочинений: в 24-х т. М.: Правда, 1960. Т. 11. С. 131-268.
2. **Бальзак О. де.** Сарразин / пер. с фр. В. С. Вальдман // Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 197-221.
3. **Бойко М. Е.** Формализация литературно-критической деятельности // Культура и искусство. 2011. № 6. С. 112-115.
4. **Бонч-Осмоловская Т. Б.** Введение в литературу формальных ограничений. Самара: Бахрах-М, 2009. 560 с.
5. **Ветлесен А. Ю.** Философия боли. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 240 с.
6. **Старобинский Ж.** Поэзия и знание: история литературы и культуры: в 2-х т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 496 с.
7. **Тургенев И. С.** Первая любовь // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1981. Т. 6. С. 301-364.
8. **Юнгер Э.** О боли // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 471-527.

ALGO-CRITICISM AS A FORMAL METHOD

Boiko Mikhail Evgen'evich, Ph. D. in Art Criticism
Academy of Media Industry
michboy@mail.ru

The article highlights a semantic category of literary images that was earlier not investigated. These images refer to physical pain and for their denotation the author suggests the term “algo-image”. A new formal literary-critical method, based on the analysis and interpretation of algo-images (algo-criticism) is suggested. An algo-critical method is examined as consisting of two stages: 1) revealing algo-images and 2) homosemantic translation. The question about formal possibilities of a new method and reproducibility of the results received with its help is examined.

Key words and phrases: homosemantic translation; interpretation; critical method; literary criticism; literary image; the philosophy of pain; formal method.

УДК 398.312

В статье рассмотрены слова-символы Духа-хозяина огня по материалам героического эпоса – олонхо, обрядовой и шаманской поэзии якутов. Проанализирована семантика этих слов-символов. Авторы считают, что через символику и семантику можно вывести архаичность происхождения культа Духа огня. Они предполагают, что слова-символы имеют единое, общее происхождение с лексикой фольклора тюрко-монгольских народов.

Ключевые слова и фразы: эпитеты; символы; слово-символ; семантика; этимология; Дух-хозяин огня.

Ефимова Людмила Степановна, д. филол. н., доцент
Афанасьев Ньургун Вячеславович
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Ludmilaxoco@mail.ru; n.v.afanasev@mail.ru

ДУХ-ХОЗЯИН ОГНЯ У ЯКУТОВ: СИМВОЛИКА, СЕМАНТИКА

В текстовых материалах олонхо, шаманских камланий и алгысов Дух-хозяин огня у якутов часто наделяется традиционными эпитетами: *кул тэллэх, кул суорһан, көбүөрүүннүк суорһан, көмөр тэллэх, көмөр сыттык, көмөр суорһан (наах)* и т.д.

Символ (от греч. *εἰμβόλον* / ‘опознавательная примета’) – понятие чрезвычайно многогранное, многозначное, полисемантическое; в чтении, интерпретации отдельных жанров искусства, более глубокое, духовное измерение, характеристика художественного образа с точки зрения его осмысленности, выражения им некой художественной идеи [9, с. 191].

В общем представлении слово *пепел* в мировой культуре является символом бренности всего сущего, проклинания, покорности, клятвы, раскаяния и очищения [1, с. 373]. По мнению Н. Л. Жуковской, в якутских

верованиях *кул* в значении ‘пепел’ – это символ богатства и счастья [5]. В доказательство этому мнению, мы замечаем, что у якутов в текстах *андаһар* / ‘клятвы’ имеются интересные выражения как *кул гынан күдэңнэ көтүтээр* / ‘пусть меня сделай пеплом, и рассеивай в мгле’, *кулбун күн күдэңэ, ый ыһааһа гынан ыһаар* / ‘пепел мой преврати в пыль солнца, в брызги луны’ [15, т. 1, стлб. 1279, 1284]. В текстах *кырыыс* / проклятий также находим выражение *кулэ-кулэ кулгутун ыһаам* / ‘хочоха буду рассеивать ваш пепел’. Возможно, в данных примерах, якутское слово *кул* в семиотическом аспекте было интерпретировано как символ счастья.

Два эпитета Духа-хозяина огня *кул тэллэх* и *кул суорһан* имеют основное слово *кул*. Представляется, что в этих эпитетах слово *кул* является символом, которое передает опознавательные приметы, обозначает и раскрывает более глубокий смысл объекта воспевания. Это слово, по нашему мнению, представляет собой символ Духа огня, поэтому считаем его словом-символом Духа огня. Приступаем к семантическому анализу слова *кул*, которое в словаре Э. К. Пекарского дается в значении ‘зола, пепел’ и в сравнении с тюркским словом *күл* в том же значении [Там же, т. 2, стлб. 1284]. В языке якутского фольклора некоторые слова изменили свою семантику. Такое явление замечается в значении якут. *кул*. В толковом словаре С. И. Ожегова определения слова *зола* дается в следующей интерпретации: ‘твердый продукт сжигания чего-либо, образующийся в виде небольших серо-черных ломких хлопьев’ [12, стлб. 57], а *пепел* определяется как ‘пылевидная серая масса, остающаяся от чего-н. сгоревшего’, [Там же, стлб. 123]. Значит, семантика слов: *зола* и *пепел* в русском языке различается консистенцией и цветом. Известный исследователь, тюрколог И. Лауде-Циртаутас высказал предположение, что первоначальным значением тюрк. *кул* было ‘серый цвет’. В доказательство своего предположения, он приводил следующие параллели тюрк. *күл* / ‘серый цвет’ как тур. *kıldoru eşek* / ‘серый осел’, *külen* / ‘серая окраска’, *кулжүмек асман* / ‘серое небо’, узб. *кулранг* / ‘что-либо серого цвета’. По его мнению, значение слова *күл* позднее трансформировалось с окраски в субстанцию пепла. Слово *күл* в тюркских языках фигурирует в составе парных слов, к примеру, тув. *хүл-далган*, якут. *кул-көмөр*, турк. *кул-ушақ*, *кул-оврам* в идентичном значении ‘вдребезги, в пух и в прах’ [20, с. 138]. Фольклорная лексика обычно характеризуется подробным описанием объекта. Тогда якут. *кул* в фольклорных текстах, видимо употреблено в значении ‘пепел’, а не ‘зола’, т.к. образное представление пепла древние якуты воспринимали через серый цвет.

В разных текстах олонхо употреблены эпитеты *кул тэллэх* [21, с. 48] и *сылаас кул тэллэхтээх* [13, с. 221]. Основным словом представлено также слово *кул* в значении ‘пепел’. Якут. *сылаас* / ‘тепло, теплый, тепловатый’ и *тэллэх* / ‘разостланная шкура, ковер из конской шкуры, тюфяк, половик, постель, ложе, одр, подстилка’ [15, т. 3, стлб. 2630]. В этом случае, к слову *тэллэх* подходит значение ‘ложе (постель)’. Тогда семантику эпитета *кул тэллэх* можно понимать как ‘пепел – ложе (постель)’ или ‘ложе (постель) из пепла’, а эпитет *сылаас кул тэллэхтээх* / ‘с теплым ложем (постелью) из пепла’. Следующий эпитет *үрүң кул үллүктээх* [18, с. 55] является одним из вариантов выше анализированного эпитета *сылаас кул тэллэхтээх*, но в значении ‘с постелью или с ложем из светлого пепла’. Тогда в семантическом плане эпитет *кул тэллэх* является более архаичным, чем эпитеты *сылаас кул тэллэхтээх* и *үрүң кул үллүктээх*. В итоге анализа из 38-ми текстовых материалов выявлено, что в текстах олонхо встречается 4 случая использования эпитета *кул тэллэх*. В текстах алгысов наблюдаем 5 случаев употребления данного эпитета. В шаманских камланиях данный эпитет употреблен только один раз. Но в тексте олонхо «Элэс Боотур» использован эпитет *кул суорһан* [11, с. 223], в котором помимо слова-символа якут. *кул* / ‘пепел’ фигурирует слово *суорһан*. Якут. *суорһан* / ‘одеяло; верхняя часть неводной матки’ [15, т. 2, стлб. 2348] имеет тюрко-монгольские параллели, тюрк. *йортхан*, *йорган*, *йогурткан* / ‘одеяло, покрывало’, монг. *йогурган* / ‘одеяло из овчины, для укрывания от холода’ [19, с. 226]. В этом случае, составное слово *кул суорһан* семантически будет обозначать ‘одеяло из пепла’. Но этот эпитет, видимо, использован неправильно. Следовательно, якут. *кул* в текстах якутского фольклора сохранило семантику ‘пепел’, передавая опознавательные приметы, глубокий смысл Духа-хозяина огня. Слово-символ *кул* / ‘пепел’ в данном случае семиотически не интерпретируется, семантика слова-символа остается неизменной.

Еще один эпитет Духа огня представлен словосочетанием *көбүөрүннүк суорһан* [10, с. 196], состоящим из двух слов, основным из которых является *көбүөрүннүк*. Эпитет *көбүөрүннүк суорһан* в семантическом плане означает ‘одеяло из белого пепла’. Данный эпитет из 38-ми текстовых материалов использован в 12-ти случаях. Мы замечаем четыре фонетических варианта слова *көбүөрүннүк*. Слово *көмөрүүннүк* встречается в тексте алгыса Тоң Суоруна [4, с. 47]. В тексте олонхо *Тойон Дьаһарыма* / ‘Господин Джагарыма’ наблюдаем другой вариант *көрүбүннүк* [7, с. 78]. В словаре Пекарского зафиксирован другой вариант *көбөрүннүк* [15, т. 2, стлб. 2348]. По-видимому, *көбүөрүннүк* является одним из основных слов-символов Духа-хозяина огня, поэтому встречается в разных вариантах. Слово-символ *көбүөрүннүк*, по нашему предположению, образовано от якут. *көбүөрү*, *күбүөрү* / ‘обилие’, которое, в свою очередь, получило образование от *көп*. Но в якутском языке имеется три варианта слова *көп*, из них наиболее приемлемым в данном случае является второй вариант *көп* (имя прил. *көп*, и глагол *көп*). Разберем первый вариант имени прилагательного *көп* в значении ‘рыхлый, пухлый, пышный, мохнатый, шерстистый, пушистый, шерстистость’ [Там же, т. 1, стлб. 1153]. Данный вариант в словаре Э. К. Пекарского дан в сравнении с азербейджанским наречием (ныне азербейджанский язык) *көн* / ‘пена’. В дореволюционное время бытовал термин «азербейджанское наречие». Н. И. Березин, путешествовавший по Северной Персии в 1852 г. впервые ввел термин «азербейджанское наречие». Якут. *көп* дан еще и в сравнении с казахским *күпшайк* / ‘мягкий, рыхлый’. Следующий вариант представлен глаголом якут. *көп* / ‘подниматься вверх, вознискать; плавать на поверхности, всплывать, выплывать, не тонуть в воде; пучиться, надуваться; вздыматься; слегка запыхаться’ [Там же, стлб. 1153-1154]. Этот вариант *көп* дается в сравнении с тюрк. и монг. *көн* / ‘пухнуть’. Мы склонны прибегнуть к одному значению двух вариантов *көп* / ‘пухлый’ и ‘пухнуть’. Следовательно, по нашему мнению, слово-символ *көбүөрүннүк* образовано следующим образом: *көбүөрү*, *күбүөрү* с помощи аффикса *-нүк* и выражает характеристику образа Духа огня. Даже во времена деятельности Э. К. Пекарского,

в начале XX в. данное слово-символ начало терять свою устойчивость. Видимо поэтому оно не фигурирует в «Словаре якутского языка», изданного Э. К. Пекарским. На современном этапе развития якутского языка якут. *көбүөрүннүк* / ‘белый пепел, выступающий на поверхность остывающих горячих углей’ [3, с. 171], благодаря только устойчивому свойству слова-символа не потеряло и сохранило свою семантику. В одном из текстов алгыса встречается эпитет *кул көбүөрүннүк* [6]. В этом случае, автор в текстах алгыса ошибочно использовал данный эпитет *кул көбүөрүннүк*, т.к. слова *кул* и *көбүөрүннүк* оба являются словами-символами и не могут составить одно целое словосочетание.

В разных культурах *холодный уголь* – это символ счастья и защиты. В христианской культуре *потухший, черный уголь* представляется как символ ожидания второго пришествия Иисуса Христа. В исламской культуре *черный уголь* интерпретируется как символ обручения молодых людей [2, с. 286]. У народа саха в текстах *кырыыс* / ‘проклятия’ встречается интересное выражение: *дьонуң-сэргэң кул-көмөр буоллуннар* [14, с. 26] / ‘пусть у твоих людей (семьи) не будет счастья, и жизнь станет бесцельной’. В данном выражении слова *көмөр* и *кул* образуют парное слово *кул-көмөр*. В якутском языке слово *көмөр* не употребляется самостоятельно. Значит слово *көмөр* в паре со словом *кул* (*кул-көмөр*) интерпретируется как ‘счастье’. Но в других случаях, кроме вышеуказанного парного слова *кул-көмөр* мы не нашли, чтобы слово *көмөр* в семиотическом плане интерпретировался бы как ‘счастье’.

Теперь рассматриваем семантику якут. *көмөр*. Слово в широком значении ‘почерневший, остывший древесный уголь’ имеет тюркскую основу *көмүр* [3, с. 259]. В этимологическом словаре тюркского языка есть два предположения происхождения тюрк. *көмүр*. Одни исследователи – Г. Рамстедт, К. Брокельман, М. Рээнэн считали *көмүр* производным от слова *көм* / ‘зарывать’ (древесные угли на ночь зарывали золой). Другая группа ученых во главе А. Вамбери выводит основу *көмүр* с глаголом *көй* / ‘гореть’. Последнее предположение кажется более достоверным, т.к. в языках не редка связь имен со значением уголь, с глагольными основами – со значением огонь, сажа. Из этого следует, что слово *көмүр* в тюркском языке означает ‘уголь’, а по точнее, обозначение холодного угля, сгоревших и почерневших дров, выгоревшего угля [20, с. 103]. Значит, слово *көмөр* в широком значении сохранило основную тюркскую семантику ‘почерневший, остывший древесный уголь’ или ‘холодный уголь’. Следовательно лексические материалы якутского фольклора, в частности, якут. *көмөр* подтверждают частично правильность выводов ученых под руководством А. Вамбери, которые выводили значение тюрк. *көмүр* от глагола *көй* / ‘гореть’.

Из 38-ми проанализированных текстов олонхо, обрядовой и шаманской поэзии якутов в 11-ти случаях употреблен эпитет Духа огня *көмөр сыттык* [8, с. 202]. Слово *көмөр* является словом-символом объекта воспевания, т.к. его семантика сохранила опознавательную примету и означает ‘подушка из холодного, черного угля’. В единичных случаях встречаются эпитеты: *көмөр суорһаннаах* [16, с. 11] / ‘с одеялом из холодного угля’ и *көмөр тэллэх* [17] / ‘ложе (постель) из холодного угля’. Исходя из анализа активности употребления эпитетов, наиболее устойчивым представляется *көмөр сыттык*, со словом-символом *көмөр*. Следовательно, эпитеты *көмөр суорһаннаах* и *көмөр тэллэх* использованы не по функциональному назначению. Незнание символики объекта воспевания может привести к разрушению образной характеристики Духа огня. Следовательно, якут. *көмөр* в фольклорных текстах кроме жанра проклятия не подлежит интерпретированию и сохраняет свое первоначальное значение.

Таким образом, мы считаем, что через символику и семантику слов-символов можно вывести архаичность происхождения Духа-хозяина огня. В текстах якутского фольклора слово *кул* имеет семантику пепла, а не золы. Другое слово-символ *көбүөрүннүк* образовано от архаизма *көбүөрү*, *күбүөрү* с помощью аффикса *-нүк* в значении ‘пухлый’ и ‘пухнуть’. Данное слово сохранило первичную семантику. Но в современной интерпретации *көбүөрүннүк* означает ‘белый пепел, выступающий на поверхность остывающих горячих углей’, не теряя своей символичности слово-символ выражает характеристику образа Духа огня. Следующее слово-символ *көмөр* сохранило свою архаичную семантику ‘почерневший, остывший древесный уголь’ или ‘холодный уголь’. Как символы Духа огня *кул*, *көбүөрүннүк*, *көмөр* не поддаются интерпретации и не теряют своей первичной семантики, хотя в мировой и в якутской семиотике они признаны символами счастья. Предполагается, что эти слова-символы *кул*, *көбүөрүннүк*, *көмөр* представляют собой архаичный пласт лексики якутского фольклора и имеют единое, общее происхождение с лексикой тюрко-монгольских народов.

Список литературы

1. **Адамчик В. В.** Полная энциклопедия символов и знаков. Минск: Харвест, 2008. 607 с.
2. **Бидерманн Г.** Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 336 с.
3. **Большой толковый словарь якутского языка:** в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 4. (Буква К). 672 с.
4. **Бурнашев И. И.** – **Тонг Суорун.** Ырыа-тойук (песни). На якутском языке. Якутскай: САССР госиздата, 1944. 75 с.
5. **Жуковская Н. Л.** Тюркские и монгольские народы России [Электронный ресурс]. URL: <http://nnmoiseev.ru/st0032.htm> (дата обращения: 26.01.2016).
6. **Кондаков В. А.** Ыһыах алгыһа, айыы ойуунун ыьтар улахан домо // Алгыстаах күн-дьыл эргиирэ. Халандаар. На якутском языке. Дьокуускай: ТТЛ инф.-рекл. студия, 1996.
7. **Күннүк Уурастыырап.** Тойон Дьаһарыма (Господин Джагарыма). Олонхо. На якутском языке. Якутскай: Саха сиринээҥи кинигэ изд., 1959. 329 с.
8. **Кыыс Дэбэлийэ.** Якутский героический эпос. Новосибирск: Наука; Сибирская изд-я фирма, 1993. 330 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
9. **Лотман Ю. М.** Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 247 с.

10. **Обрядовая поэзия саха (якутов).** Новосибирск: Наука, 2003. 512 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 24).
11. **Оготоев П. В.** Элэс Боотур: олонхо. Эпоһы харыстыыр, үөрэтэр, тарҕатар олонхо фонда. На якутском языке. Дьокуускай, 2002. 225 с.
12. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование; Оникс, 2011. 736 стлб.
13. **Ойунский П. А.** Дьулуруйар Ньургун Боотур (Нюргун Боотур Стремительный): олонхо. На якутском языке. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2003. 544 с.
14. **Ойунский П. А.** Улуу Куданса (Куданса Великий): үһүэйэн. На якутском языке. Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 1995. 88 с.
15. **Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: в 3-х т., 13-ти вып. Л.: АН СССР, 1958-1959. 1958. Т. 1. Вып. 1-4. 1280 стлб.; 1959. Т. 2. Вып. 5-9. 2508 стлб.; Т. 3. Вып. 10-13. 3858 стлб.
16. **Петров Н. Е.** Алгыстар, аман өстөр, тойуктар. На якутском языке. Дьокуускай: Бичик, 1995. 36 с.
17. **Полевые материалы фольклорной экспедиции ЯГУ.** Н. Ф. Осипов. Чоомуут, запись от 01.08.2007. Ханалас Нюрбинского района.
18. **Саха фольклора.** Хомуурунньук. На якутском языке. Новосибирск: Наука, 1996. 336 с.
19. **Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й" /** авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 292 с.
20. **Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы "К", "К" /** авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Языки русской литературы, 1997. 368 с.
21. **Ядрихинская П. П.** Дьырыбына Дьырылыатта Кыыс Бухатыыр (Девушка богатырь Дьырыбына Дьырылыатта): олонхо. На якутском языке. Якутская: Якутскайдааҕы кинигэ изд-вота, 1981. 200 с.

THE SPIRIT-HOST OF FIRE AMONG THE YAKUTS: SYMBOLICS, SEMANTICS

Efimova Lyudmila Stepanovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Afanas'ev N'urgun Vyacheslavovich

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Ludmilaxoco@mail.ru; n.v.afanasev@mail.ru

The article examines the words-symbols of the Spirit-Host of Fire by the materials of a heroic epos – olonkho, ritual and shamanistic poetry of the Yakuts. The semantics of these words-symbols is analyzed. The authors think that through the symbolics and semantics it may be concluded about the archaism of the origin of the cult of the Fire Spirit. They suppose that words-symbols have a single, common origin with the vocabulary of the folklore of the Turkic-Mongolian peoples.

Key words and phrases: epithets; symbols; word-symbol; semantics; etymology; the Spirit-Host of Fire.

УДК 821.581.09-312.4

В статье прослеживается эволюция одного из жанров китайской словесности – эссе-саньвэнь, происходившая в конце XIX – начале XX в., в результате которой появился популярный поджанр – «эссе нового литературного стиля». Автор делает вывод о том, что переход от эссе, написанных на письменном языке вэньянь, к публицистическим очеркам совершился благодаря рецепциям иноязычной литературы. Для подтверждения своих выводов автор использует эссе публициста начала XX в. Лян Цичао, не переведенные на русский язык.

Ключевые слова и фразы: Китай; литературный процесс; публицистика; переводы западной литературы; реформы; «новый литературный стиль».

Захарова Наталья Владимировна, к. филол. н.

Институт мировой литературы им. М. Горького

radaeva2002@gmail.com

РОЖДЕНИЕ «НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СТИЛЯ» В КИТАЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Зарождение и стремительное развитие публицистического жанра, имевшего свои специфические черты, отразившие своеобразие исторического развития страны и эволюционные изменения в китайской литературе рубежа XIX-XX вв., можно назвать первым шагом на пути становления новой литературы Китая. Этот важный период в истории китайской литературы, к сожалению, до сих пор остается малоизученной темой в российской и зарубежной синологии. Предметом статьи стало исследование одного из жанров китайской словесности – эссе-саньвэнь. Цель предлагаемой статьи – рассмотреть эволюцию этого жанра, происходившую в конце XIX – начале XX в., в результате которой появился новый поджанр-эссе «нового литературного стиля». Цель определила задачи исследования: проанализировать причины перемен, происходивших в общественной жизни Китая на рубеже двух веков, связать эти перемены с появлением в Китае переводов западной литературы и рождением национальной публицистики, показать взаимосвязь развития китайской публицистики и рождения «нового литературного стиля» эссе-саньвэнь.

Конец XIX – начало XX в. – важный период и в истории страны, и в истории китайской литературы. Происходили крупнейшие перемены в социальной жизни феодального Китая: с середины XIX в. начался процесс знакомства китайцев с жизнью в других странах, чему способствовали переводы сначала христианской, а затем и художественной литературы; в конце века, после поражения в войне с Японией, активизировалось